

УДК 82(47)
ББК 83.0(2)

Фетисенко Ольга Леонидовна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы,
Россия, Санкт-Петербург, e-mail: betsy98@mail.ru

Переписка П.П. Перцова и Б.В. Никольского (1896 – 1900)¹

Часть 3

Подготовка текста и примечания О.Л. Фетисенко

Fetisenko Olga Leonidovna

Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, Advanced PhD (Philology), Chief Scientist Researcher of the Department of New Russian Literature, Russia, St. Petersburg, e-mail: betsy98@mail.ru

Correspondence of P.P. Pertsov and B.V. Nikolsky (1896–1900)

Part 3

Text origination and notes by O.L. Fetisenko

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.177-187

17

*П.П. Перцов – Б.В. Никольскому
4 (16) декабря 1897 г., Рим*

1897 г. 4/16 dec. *Рим*. Hôtel de Russie¹. № 58.

Вы правы, многоуважаемый Борис Владимирович, в Вашем предположении, что значительная часть моего письма уже испарилась из моей головы, да это и не удивительно в положении человека, имеющего больше «постоянных корреспондентов», чем иная газета (у меня их 10 счетов)².

Тем не менее восстанавливаю по Вашему письму фрагменты моей аргументации и отзвуки моих укоризн, и при этом встречаю весьма значительную, почти непреодолимую трудность в попытках переместиться на Вашу точку зре-

© Фетисенко О.Л., 2020

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 4, с. 177.

¹ Часть 1 см.: Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 123 – 136; Часть 2 см.: Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 180–194. Текст писем публикуется с сохранением орфографии и пунктуации источника.

ния. Такое перемещение, очевидно, необходимо для продолжения разговора на эту тему, но – повторяю – оно настолько затруднительно для меня, что граничит с невозможностью. Именно невозможным представляется мне это пренебрежительно-презрительное отношение как к самому М<ережковско>му, так и ко всему «нашему» времени, в к<ото>рое – по Вашему мнению – история прекратила течение свое³ и настало так, какое-то междоветие, не имеющее ни связи с предыдущим, ни отношения к последующему. Если в статье Вашей Вы спускались к М<ережковском>у «с высоты»⁴, то здесь уже прямо плаваете над нашим «смутным временем» на парашюте.

Для меня М<ережковско>й, конечно, остается и «скитальцем» (пользуюсь более термином Д<остоевского>, нежели его мыслью) и далеко не столь безнадежно неоригинальным и безразлично ничтожным явлением русской культуры и жизни. Мне всё сдается, впрочем, что мы спорим собственно не о М<ережковском>, а о вещах более коренных и о таких, о к<ото>рых собственно нельзя спорить, п<отому> ч<то> нельзя ни убедить, ни убедиться. Я думаю, что и Вы то же думаете.

Поэтому оставим. Замечу лишь, что Страхов, Афон и пр. у меня были, конечно, более всего бутафорскими принадлежностями. Но я, действительно, статью Вашу понял не с той точки зрения, с какой Вы – по словам Вашего письма – ее писали (т. е. в смысле противоположения двух культур, а не в смысле лишь древнего «познай самого себя»⁵). Но смею настаивать, что без этого комментария иначе нельзя понять.

Но перейдем к Вл. Сол<овьеву>. Спасибо за брошюру⁶, к числу экземпляров к<ото>рой я, как «книжник», не остался равнодушен⁷, что Вы, вероятно, легко себе представляете. Но «по существу», к сожалению, не могу принять Вашу сторону. Т.е. я не на стороне Соловьева, конечно, – это едва ли и требуется оговаривать. Но собственно Ваша аргументация почти ни в чем не кажется мне убедительной. Например, вся роль Керн в творчестве П<ушкина> Вами, на мой взгляд, безмерно преувеличена: не говорю уже о Марине, к<ото>рая, очевидно, не внушена эпизодом с К<ерн> (от сластолюбия последней к честолюбию первой – дистанция огромна), но и Клеопатру П<ушкин> мог создать и создал бы и безо всякой Керн⁸. Поэтому «разложение» последней на составные части, из к<ото>рых одной у К<ерн> не было, а другая слишком вездесуща, представляется мне не существовавшим в действительности. Равным образом аналогия между пустяковым увлечением А<лександра> С<ергеевича> Анной Петровной (?) и сложной и яркой психологией героев «Египет<ских> ночей» уже и вовсе натянута. Конечно, без любви П<ушкин> бы не встряхнулся, но личность-то милейшей А<нны> П<етровны> тут вовсе не причем, а ведь в ней всё дело. Наконец уже фактически неверно Ваше утверждение, будто П<ушкин> не указывает «темноты жизни», наставшей после «чудного мгновения» и вплоть до нового чуда (стр. 31)⁹. Это опровергается средним куплетом стих<отворения>, цитированным Вами же на 9 стр.¹⁰

Вообще, к<ак> хотите, а освещение этого эпизода у Сол<овьева> вернее¹¹. И точно есть о чем говорить? Точно не ясна эта шальная вспышка страсти, в к<ото>рой не то что через несколько месяцев, но даже через несколько минут А<лександр> С<ергеевич> мог титуловать свою АП и божеством и блудницей и опять божеством и vice versa¹². И мог он прекрасно помнить, что она и кто она, и болтать и писать одновременно (и чувствовать, конечно) о чудном мгновении и чистой красоте¹³ и т. д. Все это – жизнь, как жизнь, и у Соловьева несносно только, когда эта юридическая душа немедленно вынимает из кармана свой Corpus iuris moralis¹⁴ и начинает «анализировать», подводить статьи и писать глоссы¹⁵. А Вы – чем бы устремиться на это его свойство – зачем-то хотите, так сказать, реабилитировать АП в ее роли в жизни Пушкина.

То же и о дуэли. Опять-таки, по мне, фактическая правда на стороне Сол<овьева> и опять-таки неверна лишь его оценка, и в ту же сторону¹⁶. Слова Вяземского «ему нужен был кровавый исход»¹⁷ – помимо того, что они сказаны Вяземским, т. е. вполне в данном случае компетентным лицом, – подтверждаютя и всеми вообще описаниями, воспоминаниями и пр. и, по-моему, лучшее определение роли П<ушкина>. Ваше утверждение, будто он выказывал здесь лишь презрение к противникам, не ожидая вызова¹⁸ и т. д. – простите – также голословно, к<ак> утверждение, что чуждая страсти, честолюбивая Марина создана под впечатлением от насквозь страстной г-жи Керн. – О нарушении слова Вы правы, также о последнем выстреле, т. е. что он не убил рикошетом Пушкина¹⁹. В этом-то Соловьев просто что называется «дал рюху»²⁰, к<ак> иной подьячий или адвокат, сам завравшийся среди собственного вранья. И опять-таки вот здесь бы его шлепнуть и сдернуть с него эту хламиду «судьи чести», в к<ото>рую он наряжается наподобие английских судей, к<ото>рые прежде чем разбирать новое дело должны надеть старые наряды.

И затем снова – неприятно действует эта сплошная бомбардировка Соловьева «нехорошими словами»²¹. Ведь у Вас ее больше, чем аргументации. Конечно, я понимаю, что его нельзя не ругать, но est modus...²²

Вы можете обратить последние слова и ко мне. В самом деле, я – неприличен. Человек прислал мне письмо, брошюру (да еще «одну из немногих»), а я его «по-приятельски» на двух листах ругаю походя. В качестве смягчающего обстоятельства могу указать на широко²³, к<ото>рое, к<ак> Вам известно, энервирует нервные натуры (правда, к числу последних меня довольно затруднительно отнести).

Об Ухтомском и его похождениях не имею ни малейшего понятия. Но, послушайте, – за что его так анафематствовать? – ведь уж наверное вся компания «Петерб<ургских> Вед<омостей>» не предосудительнее «Нов<ого> Вр<емени>» или «Гражданина». Где у нас на «газетном поле» нет навоза?

Писать Вам о Риме? Ей-Богу страшно! Ведь Вы – «романист», почище Боборыкина, к<ото>рый ныне обитает здесь²⁴, имея в виду прибавить к тому же титулу своему те же ковычки. Ведь от Вас не отделаешься сообщением, что папа

живет в Ватикане и что все древности в развалинах. Уж простите, батенька, – «до следующ<его> раза». Авось ветер переменится. – Будьте здоровы и пишите.

Ваш П. Перцов

Передайте поклон мой многоуважаемой Екатерине Сергеевне, к<ото>рой пришлось не мало потрудиться над этим моим, т.е. Вашим письмом.

Примечания

¹ Ср. у Страхова: «Меня привезли в огромный отель (Hôtel de Russie), который занимает место, достойное дворца, прилегая к Monte Pincio и к Piazza del popolo» (см.: *Страхов Н.Н.* Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 88).

² Помимо родных, Перцов в это время переписывался с Розановым, Мережковским.

³ Крылатые слова из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

⁴ Перцов снова обыгрывает выражение из письма Никольского от 25 марта 1897 г.

⁵ Надпись на фронтоне храма Аполлона в Дельфах.

⁶ Речь идет о статье Никольского «Суд над Пушкиным».

⁷ Брошюра была отпечатана в 25 экземплярах.

⁸ Никольский полагал, что восприятие Пушкиным А.П. Керн отразилось в образах Марины Мнишек в «Борисе Годунове» и царицы Клеопатры в «Египетских ночах» (см.: *Никольский Б.В.* Суд над Пушкиным. СПб., 1897. С. 27; переизд.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. М., 2009. С. 328).

⁹ Никольский, отталкиваясь от употребленного Соловьевым в его статье «Судьба Пушкина» выражения «темные дни» («рядом пустых и темных дней»; гл. III), замечал, что в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» «нет ни слова о “разлуке”, “ряде пустых и темных (sic!) дней”» (Там же. С. 331).

¹⁰ На этой странице брошюры цитировалась строфа «В глуши, во мраке заточенья...» из послания к А. П. Керн.

¹¹ В статье Вл. Соловьева «Судьба Пушкина» о стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» в шутку говорилось, что это «сообщение заведомо ложных сведений». Соловьев, намекнув на скандальную репутацию Керн и приведя известный отзыв Пушкина о ней как о «вавилонской блуднице», рассуждал далее: «...он сильно преувеличивал ... апокалиптический образ несколько не характеричен для этой доброй женщины», но если бы она и была «чудовищем безнравственности», «от этого поэтическое произведение ничего не потеряло бы не только с точки зрения поэзии, но и с точки зрения личного и жизненного достоинства самого поэта». «Знакомая поэта ... была “просто приятною дамою” или даже, может быть, “дамою приятною во всех отношениях”» (Соловьев Вл. С. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1913. Т. IX. С. 39; гл. III).

¹² Наоборот (*лат.*). Перцов подразумевает вопрос из письма Пушкина к А.Н. Вульфу от 7 мая 1826 г. «...что делает Вавилонская блудница Анна Петровна?» (см.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 321–322).

¹³ Цитаты из стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»

¹⁴ Свод нравственного права (*лат.*).

¹⁵ *Глоссы* – толкования к иноязычным или непонятным словам.

¹⁶ Соловьев рассматривал дуэль Пушкина с Дантесом как духовную катастрофу, следствии «внутренней бури», отдалившую поэта от Христа.

¹⁷ Слова из письма кн. Вяземского Соловьев приводил в гл. XII своей статьи.

¹⁸ Ср. в статье Никольского: «Вот образ действий Пушкина, дышащий глубоким убеждением в правоте его дела, строжайшей корректностью, но, вместе с тем, и полным презрением к его противникам»; «...Пушкин принимает вызов и идет на дуэль из презрения. Это холодное сознание своей правоты не покидает его и на поединке. <...> ...ледяное презрение – и только» (см.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 336, 337).

¹⁹ Ответ Соловьеву на его трактовку «нарушения слова, данного Императору» и последнего выстрела Пушкина см.: Там же. С. 337–340. Никольский откликнулся на афоризм Соловьева:

«Пушкин убит не пулею Геккерна, а своим собственным выстрелом в Геккерна». Позднее в статье «Смерть Пушкина» Перцов, вспоминая статью Соловьева, выгодно отличавшуюся от «юбилейной» пушкинианы, напишет именно об этом фрагменте: «...читая юбилейную литературу, я оценил знаменитое сальто-мортале г. Владимира Соловьева – его “Судьбу Пушкина”. Нет, как хотите, это было оригинально – этот Пушкин, который “пошел бы на Афон” замаливать убийство Дантеса, если б ему удалось-таки его подстрелить, – и этот великолепный выстрел, направленный “материально” в Дантеса, но убивший “духовным рикошетом” самого поэта, – это было оригинально» (см.: Мир искусства. 1899. Т. II. № 21/22).

²⁰ *Дать рюху* – промазать.

²¹ Аллюзия на роман Гончарова «Обломов» («жалкие слова», выражение Захара об упреках его барина (ч. I, гл. I, VIII).

²² Есть способ (*лат.*).

²³ *Широкко* (сирокко) – ветер из Африки, приносящий изнурительную духоту.

²⁴ «Здесь пребывающего Боборыкина» Перцов вспоминает и в письме к Розанову от 3 (15) декабря («Когда присоединят Рим к России?». С. 83). О пребывании в Риме П.Д. Боборыкина Перцову 27 октября 1897 г. сообщил Мережковский, предлагал снабдить его адресом и рекомендательным письмом, что и подтвердил в письме от 6 ноября (Русская литература. 1991. № 2. С. 171, 172). Письмо было послано 21 ноября со следующим пояснением: «Не отвечаю за то, как он Вас примет, а думаю, что хорошо. Человек он, в сущности, не умный, не тонкий и скучноватый. Но на безрыбьи и рак рыба» (Там же. С. 173). О задержке в получении этого письма – в ответе Мережковского от 1 декабря. Здесь же о самом Боборыкине: «...он шут гороховый и больше ничего. Вполне понимаю Вас, что идти к нему мало радости» (Там же. С. 174). 10 (22) декабря Перцов сообщил отцу: «Я был у него <у Боборыкина. – О.Ф.> и он у меня. Смешной человек. Здесь он – “особа” в полном смысле слова. В газетах о нем пишут под рубрикой “знаменитые гости”, с кардиналами он в дружбе и даже будет скоро принят папой. Очень курьезно при этом вспоминать его репутацию у нас в России. Вот уж поистине “нет пророка в своем отечестве”. Положим, он у нас очень и очень известен, печатается в лучших журналах, титулуется “наш маститый” и т. д. Но к нему издавна установилось какое-то смешливое отношение. Никогда почти не говорят о нем серьезно – зовут его, вм<есто> Боборыкин, Пьер Бобо; говорят, что он не пишет, а “боборыкает” свои романы (он их печет как блины), Буренин уверяет, что он ходит в лазурных брюках. Иногда у него находились защитники, но и они всегда в конце концов начинали хохотать. Я и раньше понимал причину такого отношения по его писаниям, но теперь, узнав его лично, вполне понимаю. Прежде всего, это – невозможная трещотка, чистый человек-фонограф, к<ото>рый болтает как заведенная машина, так что с ним невозможно разговаривать, а можно только его слушать. И потом во всей болтовне удивительно поверхностный и пустяковый человек. А в то же время – представьте себе – один из самых образованных людей не только в России, но и в Европе. Знает множество языков, имеет дипломы чуть ли не со всех факультетов, считается специалистом и по беллетристике, и по философии, и по театру, и по критике, и по чему угодно. Удивительное явление природы» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 75).

18

Б.В. Никольский – П.П. Перцову
6 января 1898 г., Петербург

СПб. Слоновая 64
6 января 1898 г.

Многоуважаемый
Петр Петрович,

Немного – и даже много – запоздал ответом; но будьте снисходительны к увечному. Кроме того, в виду наступившего нового года, желаю Вам от себя и от жены всего хорошего.

Ваши возражения на мою статью о Соловьеве меня очень удивили. По природе и по привычке мне вовсе не свойственно ожидать, чтобы каждое мое мнение было встречено согласием читателей; и тем не менее, Ваши возражения были для меня полною неожиданностью. Так например, я совершенно не понимаю, что значат Ваши слова: «Марина очевидно (?) *не* внушена эпизодом с Керн: от сластолюбия последней до честолюбия первой дистанция огромная». Напротив, Марина *очевидно* внушена А.П. Керн: во-первых, под влиянием своего увлечения Пушкин отступил от своей первоначальной мысли о «трагедии без любви»¹; во-вторых, не понимаю, откуда Вы почерпнули сведение, будто К<ерн> была *только* сластолюбива? Из стихотв<орения> «желание славы»² несомненно ясно, что Керн была очень честолюбива (или тщеславна, если хотите): по крайней мере Пушкин желал своею *славою* мстить той, которая отвергла его любовь, *равнодушную к молве*³, – это то же душевное движение, которое составляет драматический смысл сцены у фонтана, – т. е. той сцены, ради которой Пушкин отступил от своего плана и включил в Бориса Годунова эпизод с Мариной. Что дистанция между Мариной и К<ерн> огромна, это я, пожалуй, и своим бы умишком понял (ср. стр. 27 строка 2 сверху и д<алее>)⁴. Одно дело равенство треугольников, а другое – подобие. Что Марина и К<ерн> одно – это, конечно, вздор; но что К<ерн> внушила Пушкину Марину (т. е. его понимание Марины) это несомненно и биографически, и психологически. Готов согласиться, что Пушкин мог создать и Клеопатру и Марину без всякой Керн; но тем-то и отличается моя статья от статьи Соловьева, что Соловьев говорит о том, что было бы и могло быть, а я о том, что было. Далее, никогда не имел я в виду сказать, будто *Пушкин* разлагал К<ерн> на Клеоп<атру> и Марину: в его настроенной к высоким вдохновениям душе ничтожный образ повадливой светской красавицы сам собою разложился на титанические создания; анатомия тут принадлежит мне, а не Пушкину; иначе пришлось бы удивляться дарованиям хрустальной призмы, разлагающей солнечный луч на краски спектра. «Сложной и яркой психологии героев *египетских* ночей» я не только не сблизил с увлечением Пушкина Керн, а напротив, на стр. 20 старался показать, почему невозможность этого сближения не опровергает моего взгляда⁵. Не могу наконец признать «пустяковым» увлечение Пушкина: прочтите его подлинные письма, припомните его шальные замыслы, его приглашение Керн оставить мужа и приехать к нему в Михайловское⁶ и т. д. Напротив, мне кажется, что именно серьезности увлечения Пушкина струсил Керн. Наконец, мое указание насчет темных дней⁷ и пр. верно и фактически и теоретически. Если Вы прочтете всё стихотв<орение> подряд, не разрывая на куплеты, как сделано мною для удобства изложения, то надеюсь, Вы сами возьмете назад свои слова. Пушкин говорит не о темноте жизни, а о мраке заточения, в котором он (будто бы) находился: неужели это одно и то же? При том, весь этот куплет (в глуши, во мраке заточенья) описывает состояние Пушкина во время *второго* пришествия, а вовсе не время после чудного мгновенья, т<ак> как после чудного мгновенья было нечто совсем другое, а именно, мятежный порыв бурь, который не имел и

не мог иметь ничего общего ни с глушью, ни с мраком заточенья, ни с грустно тянущимися днями. Вот ответ на Ваши фактические возражения: они все возникли при беглом и невнимательном чтении. Сошлюсь на Вас: Вы сами говорите, что без любви Пушкин бы не встряхнулся, и тем не менее прибавляете, что личность Керн тут не при чем. Т. е. как же это не при чем? Ведь этак, пожалуй, и личность Пушкина не при чем, ибо если Пушкин и мог бы влюбиться с равным успехом в кого-нибудь другого кроме Керн, то ведь и К<ерн> могла покорить кого-нибудь другого кроме Пушкина: обе возможности одинаково не имеют ровно никакого значения при оценке того, что на самом деле было. Далее, как, каким образом освещение эпизода с К<ерн> верно у Соловьева, когда результатом этого «освещения» является тезис: Пушкин лгал в своих лучших вдохновениях? Заключаете Вы свою полемику словами, что Соловьев, будто бы, доктринерски критикует Пушкина, а я, будто бы, чем устремиться на это его свойство («юридическая душа»), хочу реабилитировать А<нну> П<етровну> в жизни Пушкина. Во-первых – о, если бы у Соловьева была юридическая душа! Быть может, при его способностях тогда из него и человек бы вышел. Вся беда именно в том, что способности-то у него действительно не совсем недостойные сносно среднего юриста, но душа при этом цыплячья, да еще с примесью хлестаковщины. Во-2-х, основное правило спора – вести его на почве противника. Я, может быть, и считаю приемы Соловьева глупыми методологически; но раз вступил с ним в спор, обязан его сбить с позиции, которые им самим выбраны. В-3-х, ни о какой реабилитации А<нны> П<етровны> у меня и речи нет: см. 27 стр., где говорится, что в этом романе ничего не было идеального, кроме наружности К<ерн> и душевных движений Пушкина⁸. Относительно дуэли, я в сущности не понимаю, каким это образом Вы со мною не согласны: о нарушении слова Вы согласны, о последнем выстреле тоже, а потребность (апокрифическая или достоверная – в данном случае все равно) в «кровавом исходе» не имеет ровно никакого отношения к тому, что я говорю. Возможно, что Пушкин думал найти такой исход, делая первый вызов; но после того, как Дантес струсил и даже сделал предложение свояченице Пушкина⁹, только бы не стреляться (может ли трусость идти дальше – это по секрету от моей жены), Пушкин не мог не убедиться, что ищет кровавого исхода в совершенно неподходящем месте. Если бы Пушкину был действительно нужен кровавый исход, то все его поведение на этой дуэли верх нелепости: или он желал убить, – но тогда чего же он ждал у барьера выстрела Дантеса? Или он желал быть убит, – но тогда какой смысл в его последнем выстреле? С точки зрения «кровавого исхода» это, конечно, только взрыв злой страсти, как утверждает Соловьев. К этому прибавлю, что как ни душно было Пушкину, в последнее время его жизни, однако, по моему убеждению, он вовсе не думал о кровавом исходе, легенду о котором уже задним числом пустили добрые друзья Пушкина вроде Вяземского. Ни самоубийство, ни убийство не вяжутся с мыслью о Пушкине, и глупое предположение Соловьева о пострижении¹⁰ все-таки поэтичнее и достойнее Пушкина, чем пошлая выдумка Вяземского. Мысль о само-

убийстве, сколько я помню, вовсе не встречается в произведениях Пушкина, а представить себе Пушкина убийцей хотя бы и неудавшимся, мне также трудно, как было Пушкину представить себе убийцею создателя Ватикана¹¹. Итак, возвращаюсь «на первое»¹²: не вижу, каким образом Вы не согласны со мною относительно дуэли, даже если поверить в легенду о кровавом исходе. – Относительно же ругательств Вы, должно быть, правы, п<отому> что все то же говорят. В свое оправдание могу сказать одно: от чистого сердца писано и с полным убеждением. Я, так сказать, не обругать хотел, а охарактеризовать. Не знаю, моя ли вина, что все кричат «легче!».

Вот Вам подробный отчет. Я убежден, что если он внушит Вам желание перечитать мою брошюрку (но перечитать *внимательно* – хотя бы с $\frac{1}{10}$ того внимания, с которым я ее писал) и без желанья держаться непременно своих прежних мнений, то Вы со мною согласитесь. Если же нет, то дайте новых аргументов.

Письмо и так вышло длинно; а у меня есть еще к Вам вопрос: будете ли Вы в Пизе¹³ и будете ли там проездом, или с остановкой, и если с остановкой, то продолжительной или нет?

Будьте здоровы.

Ваш *Б.Н.*

Примечания

¹ Слова о «трагедии без любви» из наброска предисловия Пушкина к его трагедии (1829) дважды цитируются Никольским (см.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 317, 327).

² Никольский цитировал стихотворение «Желание славы» («Когда любовью и негой упоенный...»), 1825 (Там же. С. 325–326).

³ В тексте Пушкина: «Ты знаешь: удален от ветреного света, / Скучая суетным прозванием поэта, / Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал / Жужжанью дальнему упреков и похвал. <...> Я новым для себя желанием томим: / Желая славы я, чтоб именем моим / Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною / Окружена была, чтоб громкою молвою / Все, все вокруг тебя звучало обо мне...»

⁴ «...Он разложил на Клеопатру и Марину простую смертную...» (Там же. С. 328).

⁵ Ср.: «...было бы насмешкой над здравым смыслом утверждать, что Клеопатра – поэтическое изображение той, которая являлась Пушкину как гений чистой красоты, хотя и не имела никакого права так ему являться по приговору его нравственного суда; но можно угадывать по письмам Пушкина, как действительность могла подсказать ему образ Клеопатры...» (Там же. С. 323)

⁶ Об этом речь идет в письме Пушкина от 28 августа 1825 г.

⁷ «...рядом пустых и темных дней» – слова из статьи Соловьёва (гл. III), опровергаемые Никольским (Там же. С. 329, 330).

⁸ Ср.: «...любовь поэта не осталась без взаимности, и хоть это не могло сделать ее более идеальной, но тем глубже охватила его внезапная и восторженная страсть» (Там же. С. 320). Выше о первой встрече с Керн в 1819 г., отразившейся в первых строках стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», говорится: «Ни о какой любви тут нет и речи, даже о самой мимолетной. Поэт рассказывает только, что сохранил чудное внешнее впечатление, взволновавшее его воображение, но и забывшееся без следа» (Там же. С. 318).

⁹ Женой Ж. Дантеса 10 января 1837 г. стала Екатерина Николаевна Гончарова (1809–1843).

¹⁰ Ср. в гл. V у Соловьёва: «Он понял ..., что красота есть только осязательная форма добра и истины. / Если бы Пушкин жил в средние века, то, достигнув этого понимания, он мог

бы пойти в монастырь, чтобы связать свое художническое призвание с прямым культом того, что абсолютно достойно. Ему легко было бы удалиться от мира, в исправление и перерождение которого он, как мы знаем, не верил» (Соловьев Вл. С. Собр. соч. Т. IX. С. 43). И в гл. XII: «Для примирения с собою Пушкин мог отречься от мира, пойти куда-нибудь на Афон, или он мог избрать более трудный путь невидимого смирения, чтобы искупить свой грех в той же среде, в которой его совершил и против которой был виноват своею нравственною немощью Но так или иначе ... Пушкин после катастрофы жил бы только для дела личного душеспасения, а не для прежнего служения чистой поэзии» (Там же. С. 58).

¹¹ Реминисценция из «маленькой трагедии» «Моцарт и Сальери».

¹² «На первое возвратимся» – выражение из «Жития прототопопа Аввакума».

¹³ Ответ на этот вопрос см. в п. 19.

19

П.П. Перцов – Б.В. Никольскому

2 (14) февраля 1898 г., Рим

Рим. 2/14 фев<аля> 98 г.

«Долг платежом красен», многоуважаемый Борис Владимирович, – и, как видите, и я тоже не очень поторопился с моим ответом. Правда, Вы имеете своим извинением Ваш «спазм», но почти то же оправдание навертывается и мне: истинно от обилия всякого писания ощущаю также в правой руке какое-то неопределенное трясение или нытье. Впрочем, не столько это последнее, сколько иные обстоятельства, о к<ото>рых долго и безынтересно распространяться, замедлили мой ответ. Если Вы не желаете отплатить мне тою же монетой, то адресуйте письмо в *Палермо*, р<oste> r<estante>. На днях являются сюда Мережковские, и мы направляемся в Сицилию¹, где после различных авантур – буде уцелеем от пленения местными бандитами – рассчитываем поселиться в оном городе (приблизительно во второй нашего февраля половине).

Содержание письма Вашего распадается на две весьма неравные части: в первой, размером в 8 страниц мелкого шрифта Вы обороняете Ваше нападение на Вл. Соловьева; во второй, размером в 4 строки, Вы справляетесь о посещении мною города Пизы и, очевидно, намереваетесь навести через меня некие там справки юридического, без сомнения, характера. (Если не ошибаюсь, в этом именно городе случилось печальное событие нахождения Пандект², замурованных каким-то предусмотрительным субъектом древности в стену – «тут, дескать, уж наверное не найдут!» Ан, и тут нашли.)

Признаюсь, мне легче ответить на эту последнюю часть: «материалы», требуемые ответом на первую, в значительной мере испарились уже из моей головы, а новый сбор их представляется мне трудом весьма затруднительным. Итак, сообщая: в Пизе я уже был, и вряд ли вновь буду; буде же да, то лишь несколько часов (2–3) – более чего не требуется для тамошнего Campo Santo, собора и падающей башни³ – предметов, едва ли затрогивающих Ваше внимание.

Однако и о первой части замечу «вкратце»⁴, что г-жа Керн отнюдь не представляется мне честолюбивой (и стих<отворение> в этом смысле П<ушкина> относится на мой взгляд безусловно лишь к его психологии, в этом

случае *общемужской*, так сказать); увлечение его К<ерн>, судя по выдержкам из писем П<ушкина> в Вашей брошюре (подлинного П<ушкина> здесь не имею), <было> именно «пустяковым» (сами же Вы г<ово>рите, что оно заняло в его жизнь всего около 2 месяц<ев>⁵); «гнев» П<ушкина> на Дантеса несомненным; способность П<ушкина> быть убийцей и самоубийцей бесспорной (вспомните всех убийц – гениев истории, также и Гете-Вертера – дело в том, что не всякое убийство – «злодейство»), и наконец ругань Вашу на Сол<овьева> – чрезмерной. Извините догматичность этих изречений, но, думаю, и сами Вы уже не очень склонны возвращаться к оной археологии.

Спасибо за оттиск и отзыв о «Фил<ософских> Теч<ениях>»⁶. Сей последний столь же типичен, сколь и безличен. Начиная чтение, уже заранее ожидаешь поклонов в сторону генерала от философии Вл. Сол<овьева> и окрика в направлении «юнцов». Оно конечно, статьи мои в «Теч<ениях>» весьма мало философичны, а больше отзываются «любовительством», но зато решительно настаиваю, что «истинно-философский анализ» Вл. Сол<овьевым> Тютчева – как статья о Тютчеве – ни к чорту не годен⁷.

Ваш разбор вопроса о конвенции⁸ в *выводах*, пожалуй, принимаю вполне, но лишь в выводах, а не в мотивах. Дело в том, что современная иностранная литература в большинстве есть, действительно, хлам и шваль, лишь засоряющая наши читательские мозги, так что некая против нее плотина (хотя бы и в образе конвенции) желательна. Но наше с Вами «принципиальное различие» в том, что для меня «просветительные» соображения идут всегда впереди юридических. Мы – не римляне, и со времен их *aequitas*⁹ мир слышал уже много новых заветов.

В скобках замечу, что Ваша ссылка на Байрона и порицание им ограбления Акрополя¹⁰ – *недопустима*: разве Байрон протестовал с юридической точки зрения, т. е. зачем, дескать, посягнули на священное право собственности города Афин? Нет, он – совсем не Вашего лагеря.

Однако мы с Вами всё «полемизируем». Авось либо настанут когда-нибудь более мирные времена, а в ожидании оных заканчиваю мое послание. Передайте, пожалуйста, поклон мой многоуважаемой Екатерине Сергеевне. Жму Вашу руку.

Ваш П. Перцов

Примечания

¹ Мережковские приехали в Рим в феврале 1898 г., остановились в той же гостинице, что и Перцов, и вскоре вместе с ним отправились на Сицилию.

² *Пандекты* (Дигесты) – извлечения из свода римского гражданского права, составленные в царствование византийского имп. Юстиниана. В Пизе в средние века хранился древнейший список VI – нач. VII вв. (*Littera Pisana*). После завоевание города Флорентийской республикой в 1406 г. рукопись была перевезена во Флоренцию, отсюда ее второе название – *Codex Florentinus*. Ср. в дневниковой записи Никольского от 23 апреля 1899 г.: «Предшествующие дни все занимался дигестами. Неисчерпаемый кладёзь размышления» (Дневник. Т. 1. С. 297).

³ Упомянуты средневековое (XIII в.) монументальное кладбище в северной части главной площади Пизы, собор во имя Успения Пресвятой Богородицы (1064–1112) и колокольня («падающая башня», 1173).

⁴ Перцов откликается на стилистическую игру в письме Никольского, используя слово, часто употребляемое протопопом Аввакумом.

⁵ См.: Никольский Б.В. Сокрушить крамолу. С. 321.

⁶ К письму Никольского был приложен отгиск его статьи «Литературная конвенция» (Исторический вестник. 1897. Дек. С. 991–1004) и неуставленная рецензия на сборник «Философские течения русской поэзии».

⁷ Имеется в виду статья Соловьева в сборнике «Философские течения...».

⁸ Статья Никольского была посвящена разбору вопроса о необходимости заключения литературной конвенции между Россией и Францией. Авторское право Никольский называет «уродливым юридическим заблуждением» (Там же. С. 992), «мнимой собственностью», «перенесением в область духовного творчества феодальных хозяйственных понятий» (Там же. С. 992–993), но считает непреложным уважение «чужих прав» и в этом вопросе.

⁹ Равенство перед законом (лат.) – основа римского права.

¹⁰ Перцов имеет в виду слова из статьи Никольского «Литературная конвенция»: «Если мы даже войною не извиняем нарушения частных прав, то можем ли оправдывать его потребностями культуры? Припомните, как язвительно клеймил Байрон лорда Эльджина, который с самими “культурными” целями ограбил развалины Акрополя для лондонских музеев» (Там же. С. 996). Этот аргумент Никольский использовал против тех, кто считает возможным плагиат и т. п. якобы для «просветительских» целей.